

МАРИЯ АЛЕКСАНДРОВНА БОБУНОВА

доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка филологического факультета, Курский государственный университет (Курск, Российская Федерация)
bobunova61@mail.ru

Ф. И. БУСЛАЕВ И ФОЛЬКЛОРНАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ

Говорится о роли Ф. И. Буслаева в становлении фольклорной лексикографии, чьи работы стали источником целого ряда идей для лингвофольклористики и вдохновили курских исследователей на создание словаря языка русского фольклора. Описываются выдвинутые принципы лексикографического описания народно-песенного слова. Это опора на жанровую дифференциацию материала и учет территориальной и временной однородности источников. Особое внимание уделено роли конкордансов фольклорных текстов, которые становятся надежной базой для создания словарей разного типа. Подробно описывается микроструктура словаря эпитетов и характеризуются разные зоны словарной статьи: статистическая, иллюстративная, синтагматическая, дополнительно-информационная. Доказывается, что одножанровый словарь имеет самостоятельную ценность, поскольку дает достаточно полное представление о конкретном фрагменте языковой картины мира. Кроме того, высказывается мысль о создании серии словарей эпитетов, составленных по одному образцу, но на материале разных фольклорных жанров, с целью выявления общесловесных тенденций и специфически жанровых черт. Проводится сопоставительный анализ одной словарной статьи с заголовочным словом *Теплый* из словаря эпитетов былин и необрядовой лирики. Делается вывод об информативности словаря эпитетов, который может иметь разные лексикографические формы, и намечаются дальнейшие аспекты исследования.

Ключевые слова: фольклорная лексикография, словарь, конкорданс, язык фольклора, лингвофольклористика

Лексикографический «бум» конца XX – начала XXI века ознаменовался созданием большого числа словарей разных типов и жанров. Наряду с традиционными справочниками появляются экспериментальные, предметом лексикографирования которых становятся «языковые единицы или аспекты характеристики языковых единиц, ранее не подвергавшиеся лексикографической обработке» [1: 6]. К числу экспериментальных словарей можно отнести словарь языка русского фольклора, первый опыт которого увидел свет лишь в начале нынешнего столетия.

Как оказалось, такая своеобразная форма национального языка, как язык устного народного творчества, долгое время не становилась объектом систематического словарного описания, хотя исследователи не раз говорили о целесообразности и значимости подобного лексикографического труда. Особую роль в становлении фольклорной лексикографии сыграли наблюдения и замечания Федора Ивановича Буслаева, чей классический труд «О преподавании отечественного языка» стал источником целого ряда идей для лингвофольклористики – комплексной дисциплины, изучающей язык фольклора. Ф. И. Буслаев, рассуждая о ценности народного языка, писал: «Полезно бы собрать все постоянные эпитеты для того, чтобы определить, в какие предметы преимущественно вдумывался русский человек и какие понятия присоединял к оним» [3: 286]. Эта фраза выдающегося русского филолога

в свое время стала вдохновляющей для создателей первого опыта словаря языка фольклора [2].

Нами было сформулировано несколько принципов словарного описания. Это, прежде всего, опора на жанровую дифференциацию материала. Идея жанрового своеобразия народно-песенной речи неоднократно высказывалась исследователями русского фольклора, которые на многочисленных примерах не только продемонстрировали наличие специфически жанровых наименований, но и убедительно доказали, что даже у одних и тех же слов в разных жанрах свое неповторимое лицо [4]. Другой принцип касается территориально-временной однородности источников. Несмотря на внутреннее жанровое единство русского фольклора, определенные тенденции территориальной дифференциации языкового материала существуют, что подтверждается работами в этом направлении [5]. Вспомним замечание академика Н. И. Толстого, который говорил о зависимости языка устного народного творчества от территории его бытования: «Диалект не только язык, но и народная культура, и фольклор, и этих два последних явления существуют и функционируют исключительно в диалектной форме, в форме местных, узколокальных вариантов» [6: 13]. То же можно сказать и о времени записи разных источников, язык которых эволюционирует в процессе бытования фольклорной традиции. С опорой на указанные принципы нами создается целый ряд одножанровых словарей конкретного региона определенного исторического периода.

Поскольку объектом описания оказывается особая форма национального языка, требующая неординарного подхода к формированию словника, повышенное внимание уделяется заголовочным единицам словаря. В большинстве случаев в качестве заголовка выступает лексема – слово в совокупности словоформ, обладающих тождественным лексическим значением. Однако на статус самостоятельной словарной единицы претендуют и специфические для языка фольклора формы причастий, деепричастий, компаративов (например, *дожидаяочи, живучи, призаблкнувши*), широко используемые в русском народном творчестве слова с суффиксами субъективной оценки, значительная часть которых является диалектными или собственно фольклорными наименованиями (например, *домичек, копытчко, кудерцы, муженишечка, походушка*). Заметим, что такой дифференциальный подход оказался возможным благодаря использованию новых информационных технологий. В первом опыте словаря, картотека для которого составлялась вручную, акцентологические и морфологические варианты, а также диминутивы отдельно не выделялись, а были представлены в зоне вариантов. Например: в словарной статье с заголовком *Крыло* зона вариантов имеет следующий вид: *крыло, крылушки, крылышки, крыльица*, в словарной статье *Перо*: *перушко, перышко, перьё, перыце*, в словарной статье *Рыба* – *рыбка, рыбушка* [2].

В роли заголовочных единиц могут выступать не только отдельные лексемы, но и конструкции, отличающиеся семантической цельностью, функциональной значимостью и являющиеся яркой приметой русского фольклорного текста: синонимические сближения (*кричать-вопить, огонь-поломя, тоска-кручина*), репрезентативные пары (*брат-сестра, отец-мать, хлеб-соль*), повторы разных типов (*ныть-занывать, слушать-выслушивать, тонуть-потопать*).

В течение двух десятилетий нами было апробировано несколько вариантов словаря языка фольклора, различающихся по цели лексикографического описания, по степени охвата материала, по расположению заголовочных единиц и др. В последнее время наше внимание сосредоточилось на создании конкордансов, отличительной особенностью которых является регистрация всех

случаев использования того или иного наименования с обязательной паспортизацией примеров.

В качестве источника на первом этапе работы был выбран семитомный свод «Великорусские народные песни», изданный А. И. Соболевским (Соб.), как наиболее полное авторитетное собрание необрядовых народных песен, записанных в XIX веке и систематизированных по жанрово-тематическому принципу с указанием места их записи. На данный момент подготовлено четыре печатных и шесть электронных (виртуальных) конкордансов, охватывающих песенный фольклор десяти губерний: Архангельской, Олонецкой, Вологодской, Вятской, Курской, Саратовской, Самарской, Казанской, Пермской и необрядовой лирики Сибири.

Придерживаясь мнения, что наиболее информативным является полный словарь, создатели конкордансов учитывают все встретившиеся наименования (знаменательные и служебные, собственные и нарицательные, узусальные и окказиональные). Такой подход, на наш взгляд, удовлетворяет любым запросам справочного и исследовательского характера.

Полный конкорданс, в котором собран и систематизирован весь фактический материал, становится надежной базой для создания справочников разного типа. Одним из таких словарей может оказаться словарь эпитетов, о котором мечтал Ф. И. Буслаев.

В свое время, анализируя язык «Древних российских стихотворений», он выделил четыре группы эпитетов, выраженных (1) именами прилагательными (*стола дубовые*); (2) именами существительными «в одинаковом падеже со словом, при коем они эпитетом» (*удача добрый молодец*); (3) именами существительными с прилагательными (в именительном падеже), не согласующимися с определяемым словом (*около чебота зелен сафьян*); (4) родительным определением (*кровать слоновых костей*) [3: 286]. Мы же пока ограничиваемся первой группой. Сначала создаем конкордансы эпитетов конкретного жанра с учетом территории его бытования, которые впоследствии можно объединить. Приведем пример одной словарной статьи из конкордансов необрядовых песен Курской и Архангельской губерний. В цитируемых текстах сохраняется оригинальная орфография и пунктуация источника.

КУРСК

Теплый 5. Ой ты, белая лебедушка! Да и где ж твое *теплое* гнездушко? <2,58>; Спи, старый, не дрожи: Постелюшка – мягкая, Одеяльце – *теплое*, Взголовье высокое! <2,338>; Я дождусь, младешенька, поры-время, Поры-время – *теплого* лета, Я сама к милому загуляю... <5,396>; Я выберу, молоденька, поры-время, Поры-время – *теплого* лета, Темной ночки, белой зорьки <5,398>; На том узголовьице одеяльце *теплое* <5,498>.

АРХАНГЕЛЬСК

Теплый 8. Не во пору дарил, не во время – На проходе-то дарил весны красныя, На пролете-то дарил лета *теплого*, На зачине дарил осень грязныя... <2,184>; По весне по красной, По лету по *теплому*, На тихой на заводе, На тихой лебединой, Тут плывет-то сизый селезень <4,71>; Не во времячко белы снежки выпали – По весне по красной, по лету по *теплому*, По *теплому*, на наше гуляньице <4,615>; Зайду в *теплу* спаленку, лягу в-нищ я на кровать; <5,89>; Наступает летико *теплое*, – с миленьким в саду гулять <5,145>; *Тепло* летечко на проходе, – Ко мне милый в гости не побывал <5,302>; Не ясен-то сокол со *тепла* гнезда солетает, – Со фатерушки добрый молодец долой съезжает <6,134>.

Конкорданс позволяет исследователю выявить семантику слова, его синтагматические и парадигматические связи, участие в устойчивых поэтических приемах. Так, прилагательное *теплый* в фольклорном тексте, как свидетельствуют контексты, полисеманлично, поскольку реализует несколько значений: 'дающий, источающий тепло', 'хорошо защищающий тело от холода', 'хорошо сохраняющий тепло (о помещении)' (МАС: 4: 356).

Словарь эпитетов, представляющий собой «выжимку» из конкорданса, будет иметь несколько зон. Статистическая зона, в которой указывается количество словоупотреблений данного слова, отражает языковые приоритеты того или иного жанра устного народного творчества. Зона иллюстративного материала должна продемонстрировать наиболее типичные связи заголовочных единиц.

Поскольку для эпитета важна его сочетаемость с определяемыми словами, важно составить перечень существительных, которые получают атрибутивную характеристику (зона S:). Для удобства пользования словарем список лексем (с учетом вариантов наименований) представим в алфавитном порядке с указанием частоты употребления эпитетосочетания. В словарной статье отмечаются и цепочки определений – связь с другими прилагательными (зона A:). В факультативной дополнительно-информационной части словарной статьи (зона +:) может присутствовать указание на связь эпитетосочетания с территорией записи песни, на принадлежность речи одного исполнителя, на связь с сюжетом и др.

Таким образом, словарная статья словаря эпитетов необрядовой лирики XIX столетия (на материале 10 конкордансов) может иметь следующий вид.

Теплый (44) С кем прикажешь лето *теплое* гулять? (Соб., 5, 485); Прилетит на кустышек соловьишко, Уж он совет ли на кустышке *тепло* гнездышко, Он повыведет, да соловьишко, малых детушек (Соб., 6, 116)

S: ветер 2

гнездо 17 (гнездо 13, гнездушко 1, гнездышко 3)

день 2

лето 17 (летечко 1, летико 1, лето 15)

одеяло 4 (одеялице 1, одеяло 2, одеяльце 1)

спальня 2 (спаленка 1, спальня 1)

A: весенний теплый [ветер] 1

совитое теплое <разоренное> [гнездо] 2

+: теплая спальня (Архангельск, Вологда); теплый ветер (Сибирь); теплый день (Олонец)

Безусловно, одножанровый словарь имеет самостоятельную ценность, поскольку дает достаточно полное представление о конкретном фрагменте языковой картины мира. Однако значимость словаря увеличивается, если он используется для сопоставительных наблюдений. Полагая, что серия словарей эпитетов, составленных по одному образцу, но на материале разных фольклорных жанров, будет полезной для обнаружения жанровой специфики языкового материала.

Сравниваться могут словники целиком, что позволит выявить общежанровые и специфически жанровые наименования, и отдельные словарные статьи, содержащие важную информацию о связях слов и их количественных параметрах.

Продemonстрируем сказанное на одном примере. Нами была составлена словарная статья на материале конкорданса онежских былин, записанных А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года (Гильф).

Теплый (53) Шел же он во ложни да во *теплыми* (Гильф., 1, № 5); Проходили во спальню во *теплую*, А сажались на кроваточку тесовую (Гильф., 2, № 75)

S: баенка 4

вода 1

горница 1

ложня(и) 27

ночлег 1

одеяло 4 (одеяло 2, одеялышко 2)

солнышко 3

спальня 12 (спаленка 2, спальня 2, спальня 6, спальня 2)

A: тепла(я) парна(я) [баенка] 4

тепло(е) красно(е) [солнышко] 2

сугревное меженное теплое красное [солнышко] 1

теплое соболиное [одеяло] 2

+: теплая горница (Киж. Аксенов); теплая вода (Кенозеро. Третьяков); теплый ночлег (Киж. Сарафанов)

Как видим, в онежских былинах, в отличие от необрядовой лирики, эпитет *теплый*, как правило, используется для характеристики помещений: *Привела она во спальню во теплую...* (Гильф., 3, № 275); — *А пожалуй-ко ты в теплу парну баенку* (Гильф., 1, № 5). Заметим, что из атрибутивной цепочки *тепла(я) парна(я)* [баенка] образовалось сложное прилагательное *теплопарный* 'Фольк. Эпитет бани' (СРНГ: 44: 56), трижды зафиксированное в лексиконе сказителя Петра Калинина:

Ах ты молодой Василий да Никулич ли Ты пройди в палаты белокаменны, Там ты хлеба соли да откушаешь, А отдохнешь после теплопарной баенки (Гильф., 1, № 7).

Наиболее частотно (50 % словоупотреблений) эпитетосочетание с существительным *ложня(и)*, которое в былинном тексте используется в значении 'спальня' (СРНГ: 17: 110):

Сходи-ко во свою во теплую во ложню-ту, А спит-то там Чурилушка, он не прохватится (Гильф., 1, № 35); *Да где-ка твои ложни теплые, Да и где твои кровати тесовые, Где-ка мягкие перины пуховые?* (Гильф., 3, № 221).

Указанное значение в диалектном словаре сопровождается территориальными пометами: *Олон., Арх., Север.*

Реже теплым в былине представляется одеяло и солнце:

Приказала-то на погреб на холодный Да снести перины да подушечки пуховы, Одеяла приказала снести теплыи, Ена ествишку поставить да хорошую... (Гильф., 2, № 75); *Да ставае по утру он ранёшенько, До восходу тёпла краснаго солнышка...* (Гильф., 3, № 239).

К идиолектным эпитетосочетаниям, зафиксированным в лексиконе одного сказителя, можно отнести конструкции *теплая вода*, *теплая горница* и *теплый ночлег*:

А тут услыхала девка поваренка, Проходит в эту теплую горницу (Гильф., 2, № 132); *И отдал благодарность солнышку князю Владимиру На теплом ночлеге, на мягкой постеле...* (Гильф., 2, № 109).

Сопоставление приведенных выше словарных статей позволяет задуматься о жанровой дифференциации синтагматических связей эпитета *теплый*. В необрядовой лирике самыми употребительными атрибутивными парами оказались *теплое лето* и *теплое гнездо*, не зафиксированные в онежском эпосе:

Наступает лето теплое, — Со миленьким во саду гулять (Соб., 5, 146); *Не ясен сокол со тепла гнезда солетает, — Добрый молодец со квартирушки долой соезжает* (Соб., 6, 138).

В отличие от отмеченных повсеместно сочетаний с существительными *лето* и *гнездо*, атрибутивные пары *теплые дни* и *теплый ветер* проявляют пространственную закреплённость (Олонец и Сибирь соответственно):

Теплых дней дождусь, — в казаки наймусь (Соб., 2, 423); *Ой вы, ветры, ветры теплые, Ветры теплые, вы, весенние, Вы не дуйте здесь, вас не надобно!* (Соб., 5, 721).

Безусловно, говорить о жанровой маркированности того или иного эпитетосочетания нельзя, опираясь на один сборник, каким бы авторитетным он ни был. Отсутствие той или иной конструкции в олонецком «фольклорном диалекте» может быть свидетельством не жанровой, а территориальной дифференциации языка фольклора. В частности, обращение к другим былинным сборникам не выявило сочетаний с наименованиями времен года, в то время как пара *теплое гнездо* была зафиксирована один раз в западносибирских эпических песнях (XVIII в.): *Молоды Касьян сын Михайлович Выскакивал из сырой земли, Как есён сокол из тепла гнезда* (К. Д., 126).

Пространственно не ограниченное эпитетосочетание *теплое одеяло* можно отнести к разряду общежанровых. В лирических и эпических песнях рисуется идеальная постель с мягкой периной, высоким изголовьем и теплым одеялом. Ср.:

Да ложился спать бы на кроваточку, На тую кроваточку на кисовую, Да на эту он перину на пуховую, Да на тое на круто складно на зголовицу Да под тое теплое ты одеялышко под соболиное (Гильф., 1, № 35) и *Постелюшку стлала, Зголовище клала, Клала зголове высоко, Одеяло тепло...* (Соб., 3, 103).

Другое общежанровое сочетание *теплая спальня* в необрядовой лирике встречается реже и, как правило, в песнях северных губерний (Архангельск, Вологда):

Отворись, отворись, тепла спальня, Пробудись, моя милая лада! (Соб., 2, 484).

Таким образом, пробные словарные статьи словаря эпитетов оказываются весьма информативными для исследователя. Они показывают, как на фоне постоянных эпитетов, речения с которыми, по мысли Ф. И. Буслаева, «можно уподобить типам греческих божеств, которые, однажды создавшись, никогда не изменялись» [3: 286], выступают переменные определения, одни из которых являются свидетельством индивидуального начала (идиолектной дифференциации народно-песенного языка), другие связаны с местом фиксации фольклорных текстов. Привлечение материалов разных жанров позволит выявить как общефольклорный фонд атрибутивных сочетаний, так и жанровые различия, определяемые не только качественным составом эпитетов и эпитетосочетаний, но и их количественными характеристиками. Полагаем, что перечень аспектов исследования в будущем будет расширен за счет внутрижанрового (например, семейные, любовные, солдатские, сатирические песни), временного (песни XVIII, XIX, XX веков), кросскультурного (русский фольклор и фольклор других этносов). В целом же дифференциальный словарь в сочетании с конкордансом обеспечивают

получение объективных характеристик конкретного языкового материала.

В заключение хочется выразить уверенность в том, что рассуждение Ф. И. Буслаева о пользе словаря фольклорных эпитетов, приведенное

в начале нашей статьи, станет отправной точкой для рождения разных лексикографических проектов, которые в свою очередь будут способствовать формулировке новых идей и исследовательских перспектив.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Гильф. – Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года: В 3 т. Изд. 2-е. СПб.: Типография Императорской АН, 1894–1900. Т. 1–3. (В скобках указывается номер тома и номер былины.)

К. Д. – Древние русские стихотворения, собранные Киршею Даниловым / Подгот. А. П. Евгеньевой и Б. П. Путиловым. М.: Наука, 1977. 88 с.

МАС – Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Рус. яз., 1981–1984. Т. 1–4.

Соб. – Великорусские народные песни: В 7 т. / Изд. проф. А. И. Соболевским. СПб.: Гос. типография, 1895–1902. Т. 2–6. (В скобках указывается номер тома и номер песни.)

СРНГ – Словарь русских народных говоров. М.; Л.; СПб.: Наука, 1965–2014. Вып. 1–47.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алешина Л. В. Словари авторских новообразований в контексте современной отечественной лексикографии. Орел: Изд-во ОГУ, 2001. 172 с.
2. Бобунова М. А., Хроленко А. Т. Словарь языка русского фольклора: Лексика былины. Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2006. Ч. 1–2.
3. Буслаев Ф. И. Преподавание отечественного языка. М.: Просвещение, 1992. 512 с.
4. Никитина С. Е., Кукушкина Е. Ю. Дом в свадебных причитаниях и духовных стихах (опыт тезаурусного описания). М.: ИЯЗ. РАН, 2000. 216 с.
5. Праведников С. П. Основы фольклорной диалектологии. Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2010. 231 с.
6. Толстой Н. И. Этнокультурное и лингвистическое изучение Полесья (1984–1994) // Славянский и балканский фольклор / этнолингвистическое изучение Полесья. М.: Индрик, 1995. С. 5–18.

Bobunova M. A., Kursk State University (Kursk, Russian Federation)

F. I. BUSLAEV AND FOLKLORE LEXICOGRAPHY

The article tells about the role of F. I. Buslayev in the development of folklore lexicography. His works as a source of multiple ideas for lingvofolkloristics inspired researchers from Kursk to create a dictionary of the Russian folklore language. The established principles of lexicographic folk songs' description were analyzed: genre differentiation of the material, territorial and temporal homogeneity of sources. Special attention is paid to the role of concordances of folklore texts in compiling dictionaries of different types. A detailed description of the microstructure of the epithet dictionary is given. The following characteristics of the zones (statistical, illustrative, syntagmatic and additional info) of the dictionary article are studied. The author provides arguments in favor of the high value of single-genre dictionaries and demonstrates that they present a certain fragment of the linguistic picture of the world. In addition, the idea of a series of epithet dictionaries compiled on the same model, but on the materials of different folk genres is expressed. This could reveal common folklore tendencies as well as specific genre traits. The author conducted a comparative analysis of dictionary entries with the headword *Теплый* "warm" in epithet dictionaries of epic poems and non-ritual lyrics. Our studies brought us to the conclusion of high informative potential of epithet dictionaries.

Key words: folklore lexicography, dictionary, concordance, folklore language, lingvofolkloristics

REFERENCES

1. Aleshina L. V. Dictionaries of the author's occasionalisms in the context of contemporary Russian lexicography. Orel, 2001. 172 p. (In Russ.)
2. Bobunova M. A., Hrolenko A. T. The dictionary of the Russian folklore language: Bylina lexics. Kursk, 2006. Part 1–2. (In Russ.)
3. Buslaev F. I. Teaching the native language. Moscow, 1992. 512 p. (In Russ.)
4. Nikitina S. E., Kukushkina E. Ju. House/home in the wedding laments and spiritual poetry (the experience of thesaurus description). Moscow, 2000. 216 p. (In Russ.)
5. Pravednikov S. P. Basics of folklore dialectology. Kursk, 2010. 231 p. (In Russ.)
6. Tolstoj N. I. Ethnocultural and linguistic study of Polesye region (1984–1994). *Slavyanskiy i balkanskiy fol'klor / etnolingvisticheskoe izuchenie Poles'ya*. Moscow, 1995. P. 5–18. (In Russ.)

Поступила в редакцию 26.03.2018